Ивангородский, К.В. (Черкасы) Этническая история восточных славян догосударственного периода в современной белорусской историографии / К.В. Ивангородский // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 239-252.

К. В. Ивангородский

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ДОГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

После распада СССР взгляды ученых на этническую историю восточных славян существенно изменились. Сегодня между восточнославянскими историками по поводу этой проблемы научный диалог фактически прекратился. Не совсем конструктивной выглядит и тенденция отсутствия специальной историографической рефлексии обозначенного вопроса в белорусской, украинской и российской науках. Исходя из этого, целью статьи стал анализ современной белорусской историографии, посвященной этногенезу восточных славян в догосударственный период. В условиях становления национальной белорусской историографии происходит усиление «этнизации» истории страны. Это проявляется прежде всего в новых версиях этногенеза белорусов, а также в популярности псевдонаучных гипотез касательно этой этноисторической проблемы. Среди новых подходов к ней наиболее перспективной представляется так называемая «субстратная теория». Но пока она также не получила концептуального завершения в пределах современной белорусской историографии.

After the disintegration of Soviet Union the looks of scientists on the ethnic history of east slavs have substantially changed. Today the scientific dialogue concerning the problem between eastslavs historians actually has ceased. The tendency not to represent the historiography reflection of this question in Belarussian, Ukrainian and Russian sciences looks not quite constructively. As the result, the object of the article is the analysis of the modern Belarussian historiography devoted to the east slavs ethnogenesis in the pre-state period. In the conditions of the national Belarussian historiography foundation the strengthening of «ethnization» of the country history research ensues. This fact shows up foremost in the new versions of the Belarusians ethnogenesis, and also in the popularity of pseudo-scientific hypotheses concerning this ethnohistoric problem. Among the new approaches to it the most perspective is so-called «substrat theory». But while it also has not the conceptual completion in the limits of modern Belarussian historiography.

Ключевые слова: новейшая белорусская историография, этническая история восточных славян.

Keywords: modern Belarusian historiography, ethnic history East Slavs.

Теоретические и методологические трансформации в современных восточнославянских историографических дискурсах привели исследователей к переосмыслению процесса поисков своих национальных идентичностей посредством интерпретации особенностей этногенеза и этнической истории тех общностей, которые сегодня выступают титульными этносами трех независимых восточнославянских государств. В полной мере это относится и к белорусской историографии. С одной стороны, расширяется поливариантность взглядов и подходов, а с другой — появляются многие версии, близкие к мифотворчеству. Такая специфика присуща историографиям всех трех научных восточнославянских сообществ.

Заметим некое сосредоточивание восточнославянских историографий только на «собственных» этнических ретроспективах, с игнорированием взглядов «соседних» ученых. Отсутствие же научного диалога между современными национальными историографиями восточных славян относительно их этногенеза значительно сужает исследовательские возможности, консервируя новейшие версии в рамках их самоизолированных научных парадигм. Симптоматической выглядит и ситуация, когда, например, украинские и российские специалисты почти не упоминают (или же не догадываются о существовании?!) белорусских

Ивангородский Константин Васильевич — доцент кафедры истории и этнологии Украины Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: iwakos@rambler.ru

коллег, не учитывая их новых разработок, в том числе и по этноисторической проблематике. Именно это и послужило толчком для предлагаемой публикации.

Предлагаемая проблематика пока не имеет заметной рефлексии ни в украинской, ни в российской, ни даже в белорусской историографиях, а упоминается, как правило, вскользь или в рамках локальных дискуссий. Это лишний раз подчеркивает важность и своевременность такого анализа, учитывая и определенную «соседскую раскованность» относительно ограничений национальной историографической перспективы, которые, в свою очередь, часто препятствуют исследовательской объективности.

Прежде всего следует отметить, что сегодня по сути происходит не просто возрождение, а переинсталяция белорусского национального проекта, в том числе в сфере его национальной исторической науки, а это неизбежно ведет к ее усиленной «этнизации» (т. е. поиску собственной этничности в истории). Форматирование же собственного этнического «я» возможно, как известно, только в условиях бинарной оппозиции «мы» — «они». Отсутствие же упоминавшегося выше историографического диалога между современными восточнославянскими исследователями обуславливает, на наш взгляд, лишь усиление «авто-этноисториографических стереотипов», которые вредны и для науки, и для общественного развития в целом. Актуальность проблемы становится сегодня особенно рельефной на фоне той ощутимой политизации, которая всегда имела место относительно этногенетической специфики общностей и восточных славян, и славянства в целом.

В свою очередь, это уже существенно вредит поиску общностной идентичности на современном этапе, и в нашем контексте — прежде всего белорусской общности. Это чувствуют и нынешние белорусские интеллектуалы, а следовательно, процесс «познания себя» неминуемо требует и «познания Другого». Таким образом (в нашем случае — с позиции украинской историографической традиции), мы также стремимся через анализ этноисториографической рефлексии «Другого» попробовать приблизиться к более глубокому самоосознанию и одновременно предоставить возможность через этот историографический стереотип относительно «Другого» позволить ему (т. е. «Другому») тоже попробовать расширить уже свое самоосознание. В сущности, такое моделирование в пределах историографического дискурса вызывает необходимость исследования «вторичной реальности», «себя через Другого».

Как замечает О. Шутова, постмодернистски настроенные исследователи показали, что понятие о «Другом» в процессе самоидентификации имеет решающее значение. «Как определяет себя группа? Через поиск, ощущения общего и отличий, используя определенную точку референции — Другого. Другого с большой буквы, поскольку его наличие оказывается постоянным и необходимым фактором идентификации» [1, с. 83]. По крайней мере, это будет способствовать и преодолению национальных комплексов (в том числе и неполноценности), а в белорусской исторической литературе, возможно, не будет автоубеждений, что «мы не хуже поляков, чехов, венгров, украинцев, россиян» [2, с. 176].

Конечно, будет ошибочным утверждать, будто современные белорусские исследователи не осознают те проблемы, с которыми они сегодня столкнулись, в том числе и в сфере этнической проблематики. К тому же они замечательно понимают и необходимость расширения границ исследовательского поля в этом направлении, и углубления диалога между представителями разных историографических школ, разных научных дисциплин. Например, такую позицию демонстрирует сегодня С. Витязь: «Однозначный результат имеет натуральный методологический вывод: изучение этногенеза белорусов необходимо решительно выводить за традиционные пределы, принципиально направляя внимание на исследование генезиса, движений, влияний и т. д., что очевидно нуждается в скоординированных полидисциплинарних усилиях и развернутом международном взаимодействии» [3, с. 33].

Анализ белорусской научной литературы относительно этнической истории восточных славян, в частности и этногенеза белорусов, позволяет некоторым белорусским ученым ин-

терпретировать это направление как достаточно актуальное. Например, И. Чаквин подчеркивает: «Когда же возник белорусский народ как особое славянское этническое сообщество, где его этногенетические корни, какие древние племена заложили его этногенетические основы, в какой мере он близок или родственный с другими славянскими народами и что стало причиной возникновения этнического своеобразия белорусов — эти вопросы определяют общественную и научную актуальность отмеченной проблемы и в наше время» [4, с. 6]. Другие исследователи выделяют два уровня этой проблематики. С одной стороны, ситуацию усложняет слишком бедная источниковая база, с другой — субъективный уровень, связанный с методологическими позициями, «особенно в вопросах этнической идентификации населения восточной Европы». По мнению Г. Семенчука, «решение этой проблемы на текущий момент имеет первоначальное значение» [5, с. 9].

Упомянутая «этнизация» современной белорусской историографии проявляется также и в попытках рассматривать всю белорусскую историю с позиций «этничности». Так, А. Кравцевич предлагает для ее периодизации применять именно «этнический критерий». По этому поводу он, в частности, замечает: «Страна под названием “Беларусь” имеет место в истории человечества только благодаря существованию белорусского этноса. Поэтому основная периодизация истории этой страны не может быть ничем другим, как хронологией этнической истории белорусов» [2, с. 175]. Это достаточно дискуссионное предложение, а потому следует согласиться с С. Куль-Сельвестровой, которая по поводу утверждения А. Кравцевича отметила: «Когда делается периодизация, то что используется в качестве критерия функционирования, существования белорусского этноса? Что есть этнос? Что есть белорусскость? и так далее» [2, с. 179]. Кроме этого, не совсем понятно, как быть с историей Беларуси, которая таки имела место до формирования белорусского этноса, а также что делать с действительно рубежными политическими событиями в истории (например, со Второй мировой войной)?

Нельзя не отметить того факта, что современные белорусские ученые вполне резонно и обоснованно пытаются расширить теоретико-методологический арсенал поисков, и не в последнюю очередь через обращение к исследовательским практикам смежных научных дисциплин. Насколько оправданными будут такие действия, конечно, покажет время. Так, А. Дзермант и С. Санько, разрабатывая «автохтонистскую балтскую модель белорусского этногенеза», пытались, согласно их уверениям, «непротиворечиво увязать весь комплекс данных, накопленных в приоритетных для этногенетики дисциплинах, таких как физическая антропология и этногеномика, лингвистика, археология и историография, этнография, фольклористика и некоторых других (интересно, каких? — *К. И.*), которые не зависят от прихотей исследователей, относящих факты к релевантным и нерелевантным» [6, с. 236].

Учитывая это, уместно детальнее остановиться на версиях этногенеза восточных славян, в частности белорусов, которые предлагают в современной белорусской историографии такие смежные дисциплины, как археология, антропология, генетика, лингвистика. Например, С. Вергей в коллективной монографии по археологии Беларуси замечает, что вопросы этнической истории являются традиционно сложными для этой области науки. Поэтому, создавая соответствующую схему этнокультурного развития, авторы стремились комплексно подходить к источникам, широко привлекая наработки других гуманитарных наук. Однако, по мнению ученого, «все же основные положения этнической истории древнего населения Беларуси строятся на археологических материалах, которые дают возможность проследить процессы его расселения, миграций, элементы культурных заимствований, ассимиляции пришлых или местных племен и образования новых этносов» [7, с. 433]. Сопоставление сведений разных источников позволило белорусским археологам прийти к выводам о принадлежности к восточным балтам таких археологических культур, как днепровская, штрихованной керамики, милоградская, банцеровская, тушемлянская; западные балты сыграли важную роль в формировании культуры восточнолитовских курганов. Присутствие герман-

цев на территории Беларуси связывается с носителями вельбарской культуры II—IV вв. Доныне дискуссионной остается этническая принадлежность зарубинецкой культуры. Типологическую близость с киевской культурой удалось проследить относительно таких славянских культур, как колочинская, пеньковская и в определенной степени пражская. Относительно периода раннего Средневековья утверждается, что «стержнем этнических процессов на территории Беларуси становятся взаимоотношения балтов и славян» [7, с. 433—434].

Взгляд о том, что начало славянства на территории Беларуси связано с киевской археологической культурой (которую кое-кто относит к «реликтовой ветке гипотетической протославяно-балтской общности»), разделяют не все, отмечая слабую исследованность ее памятников [8, с. 110—147; 6, с. 247]. Невзирая на этническую неопределенность зарубинецкой культуры, А. Егорейченко убежден, что «участие ее носителей и их потомков в становлении славянского этнического массива не вызывает сомнений» [9, с. 270]. Дискуссионным остается и вопрос об этнической принадлежности колочинской культуры, ведь, кроме славянской привязки, ряд авторов доказывают ее принадлежность балтам [10, с. 37]. А вот Г. Штыхов считает, что, вероятнее всего, эта культура действительно была балтской, но находилась под мощным влиянием славян [11, с. 130]. В свою очередь А. Кравцевич убеждает, что «этническая история белорусов начинается от VI в., с приходом на балтские и угро-финские земли Поднепровья и Подвинья славян — носителей пражской культуры» [2, с. 175].

Таким образом, не трудно заметить, что этническая история белорусских земель на этом этапе так или иначе связана с археологическими культурами балтского конгломерата местного населения. И только в V—VI вв. в Западном Полесье появилось население пражской культуры, в славянской принадлежности которой ученые не имеют никаких сомнений. Именно с этим процессом археологи связывают интенсификацию социально-экономической жизни, в частности возникновение многих городов, что и стало основной причиной достаточно быстрой ассимиляции балтского населения. Именно поэтому, как убеждает Г. Штыхов, «важно брать за важнейшую веху в истории Беларуси VI в. и ряд следующих веков, и считать их ранним Средневековьем в Беларуси» [11, с. 124]. Заметим, что именно на основе установленных археологами тесных взаимоотношений славян и балтов на догосударственном этапе развития восточных славян базируется и так называемая «субстратная теория». Ее, как считают некоторые современные белорусские ученые, подтверждают и данные антропологии, которая владеет методами определения степени родства между давними и современными сообществами. Следовательно, белорусские антропологи попробовали сравнить в пределах этого подхода группы белорусов, литовцев, украинцев, россиян и поляков, которые проживают на территории Беларуси. Было установлено, что к гипотетическому пласту предков ближайшими являются белорусы и литовцы [12, с. 7—11]. Изучение материала по 12 основным генам показало, что литовский этнос отличается от белорусского на 2 гена, русский — на 8, украинский — на 4, польский — на 6. Это, с точки зрения Г. Штыхова, четко подтверждает значимость архаичной балтской основы белорусского этноса [13, с. 324].

Учитывая приведенные результаты, некоторые современные белорусские исследователи идут еще дальше, убеждая, что основой белорусского этноса доныне являются именно балты, а не славяне, массовой миграции которых на земли Беларуси вообще не было [14, с. 8]. На этой основе строят свою гипотезу А. Дзермант и С. Санько, согласно которой белорусы, во-первых, являются непосредственными потомками первопоселенцев края; во-вторых, никакие миграции не повлияли на их антропологический вид; в-третьих, не было ни одной славянской миграции и, в-четвертых, наибольшее сходство нынешних белорусов связано с балтийскими народами. Эти тезисы, как считают их творцы, «явно противоречат общепринятому взгляду на происхождение белорусов и позволяют ставить под вопрос правомерность их приобщения к славянской этнической общности» [6, с. 240—241]. Невзирая на смелость подобных предположений, на наш взгляд, эта гипотеза вряд ли будет иметь далеко идущие

последствия, поскольку антропологическое единство любого населения, а тем более настолько древнего, понятие достаточно условное. И относительно балтов, и относительно славян. Так, еще советские антропологи, в частности В. Алексеев, доказали неоднородность антропологического состава разных групп восточных славян, в том числе из-за их контактов с балтами и фино-уграми. В этом контексте более перспективным может быть исследование уровня антропогенетических связей белорусского этноса с его соседями, что, например, удачно демонстрирует в своих работах современный белорусский антрополог А. Микулич [15].

Весомая роль археологии и антропологии в исследовании этногенеза восточных славян, бесспорно, не вызывает никаких сомнений. Однако в этом вопросе исследователи должны считаться и с выводами лингвистов. Поэтому следует согласиться с Э. Загорульским, что «без лингвистических координат использовать даже хорошо датированные археологические культуры для определения начал славян невозможно» [16, с. 154]. Правда, с другой стороны, как замечает этот же специалист, «наверное, наибольшей преградой в решении хронологических вопросов славянского этногенеза является разное понимание лингвистами механизма выделения славян из предыдущей (индоевропейской. — *К. И.*) общности» [16, с. 156]. Следовательно, привлечение лингвистических данных также не разрешает всех проблем в области исследования этнической истории восточных славян, хотя, несомненно, во многом и помогает.

Характерной тенденцией современной белорусской историографии относительно этногенеза восточных славян является появление, так сказать, альтернативных версий именно этногенеза белорусов. Например, подобный подход демонстрирует С. Витязь, который предлагает «полиэтническую (индоевропейскую) концепцию этногенеза белорусов», в котором «приняли содержательное участие балты, иранцы, германцы (преимущественно скандинавы) и славяне», что в свою очередь «позволяет рассматривать Беларусь как хранительницу древнего индоевропейского генофонда» [3, с. 33]. Не менее «экзотической» является версия Я. Филиповича, по которой «белорусы происходят от индо-иранцев Причерноморья, как и все народы, которые теперь называются славянскими, и именно от этих индо-иранцев пошел наш белорусский язык — самый древний язык среди славянских языков» [17, с. 22].

Не избежала современная белорусская историография этнической истории восточных славян и тенденции к антинаучной мифологизации этой сферы. Это, в принципе, свойственно сегодня всем восточнославянским историографиям (особенно российской). Такой, в частности, можно считать книгу В. Пьянова «Древность славян» (2005). Уже в самом начале автор существенно запутывает ситуацию, отмечая, «что структура разделов книги не всегда отвечает раскрытию тех или других понятий в том или другом разделе» [18, с. 5]. В анализе историографии с полной серьезностью обсуждается «проблема» относительно «происхождения славян как пришельцев с Большой Медведицы» [18, с. 7]. Древнеиндийское происхождение белорусов удостоверяют современные населенные пункты в Беларуси с названием «Карма», а обычаи славянского земледелия привели к расцвету цивилизации на берегах Нила. Причем тотальную колонизацию Древнего мира славянами обеспечила «славянская традиция стимулирования деторождения», очевидно, свойственная только им. К сожалению, такие фантазии находят сторонников, но хуже всего то, что они вредят поискам истины, создавая негативный образ реальной науки, которая вроде бы скрывает от всех «правду».

К более научно взвешенным альтернативным версиям этногенеза белорусов можно отнести так называемую «крывіцкую канцэпцыю», согласно которой этнос белорусов сформировался на основе восточнославянских племен кривичей, дреговичей и радимичей без стадии «общей колыбели» древнерусской народности. Однако неубедительность этого подхода заключается в первую очередь в том, что она не способна объяснить появление белорусской этничности среди населения южной Беларуси, ведь кривичи проживали на севере страны. Не большую ясность вносит и «финская» версия, согласно которой именно фино-угорский субстрат является первичным в этносе белорусов. Встречаются также концепции, которые

вообще отрицают самостоятельное формирование и существование этнической общности белорусов («польская», «великороссийская»), которые современные белорусские историки подвергают полностью справедливому отрицанию [см. напр.: 18, с. 309—310].

Не слишком убедительной (как мы уже отмечали выше) является и «автохтонная балтская» гипотеза, согласно которой «белорусы — это славяноязычные балты» (А. Дзермант, С. Санько). Кроме антропологической относительности ее «доказательной базы» значительной проблемой является и попытка хоть как-то объяснить, почему балты начали разговаривать на славянском языке. По мнению ее адептов, «в распространении славянского языка [основную роль] сыграли метаэтнические военно-торговые корпорации “руси”, среди которых преобладали выходцы из Скандинавии» [6, с. 251]. То есть славянизировали белорусов-балтов не славяне! Не улучшает ситуацию и предостережение относительно условности термина «балты», который, согласно Ф. де Сосюра, являет собой «конвенциональный, произвольный знак» [6, с. 252], т. е. уже и балты — не совсем балты, но вовсе не славяне?!

Вскоре после публикации своих рассуждений А. Дзермант и С. Санько вынуждены были вступить в дискуссию с достаточно обоснованными замечаниями (прежде всего в филологическом измерении) относительно их гипотезы «балтского автохтонизма», изложенными Ю. Пацюпой. По мнению последнего, предлагаемые «голыя дапушчэньні» можно делать, «только полностью абстрагировавшись от фактов истории белорусского языка» и «поверить им может только тот, кто ничего об этих фактах не слышал» [20, с. 165]. Отвергая все доводы оппонента, А. Дзермант и С. Санько, между прочим, отмечают, что «декларируемое» преимущество славян на территории Беларуси «требует специального научного анализа, которому сторонники массовой славянской миграции никогда не уделяли надлежащего внимания» [21, с. 198].

Хотя подобный упрек можно поставить и этим исследователям, гипотеза которых изложена в жанре статьи, а не солидной научной монографии, где проблеме было бы предоставлено «надлежащее внимание». В целом же ситуация с отсутствием специальных научных исследований в сфере этнической истории восточных славян догосударственного периода на уровне диссертаций и монографий пока что господствует в рамках современной белорусской историографии. С другой стороны, как уже отмечалось, это предопределяет псевдонаучные спекуляции в виде откровенно надуманных и неправдивых (зато сенсационно привлекательных) гипотез. В то же время чрезмерное увлечение «антропологизацией» в исследованиях белорусского этногенеза создает иллюзию, что этническое определяется в первую очередь через биологическое, а это совершенно недопустимо с точки зрения этнологической методологии.

Учитывая представленную выше версию «антропологической тождественности» современных белорусов давним балтам, нельзя не остановиться на одной из книг, которая хотя и является весьма закономерным следствием подобных теоретизаций, вызывает все же серьезную обеспокоенность. Речь идет о произведении редактора газеты «Секретные исследования» В. Деружинского «Тайны белорусской истории». Конечно, этот публицистически-популярный опус можно было бы оставить в стороне и не вспоминать о нем в пределах анализа современной белорусской историографии этнической истории восточных славян, тем более что его автор не является специалистом по истории вообще. Можно было бы только посочувствовать автору в его попытках убедить всех, что белорусы, украинцы и россияне — не славяне [22, с. 49] (впрочем, до него это делалось уже неоднократно), если бы не одно «но». Этим «но» является ярко выраженный расовый подход к этногенезу, в первую очередь белорусскому: «Этнос — не просто народ, — утверждает журналист, — а родня одной крови», и «национальные традиции этноса — это в первую очередь генетические особенности семьи» [22, с. 555]. Помимо того, что наукой давно доказана ошибочность «биологизации» этничности, подобные взгляды являются достаточно опасными на уровне их общественного восприятия. Последствия же «расовой исключительности» одного этноса человечество (и не в последнюю очередь сам белорусский этнос) уже почувствовало во всей полноте в середине XX в.

К альтернативным версиям белорусского этногенеза можно отнести и «пограничную», например, в ее видении А. Кравцевичем, А. Смоленчуком и С. Токтем. Они трактуют понятие «пограничье» как зону древнего культурно-цивилизационного конфликта Запада и Востока Европы. Исходя из этого, пытаются «рассмотреть влияние цивилизационного пограничья на процесс этногенеза белорусов, на формирование белорусской нации, особенности ее менталитета и культуры памяти» [23, с. 5]. Однако при более внимательном анализе этого подхода можно констатировать, что по своему содержанию он является лишь версией «субстратной теории». Ведь авторы достаточно недвусмысленно утверждают, что именно «балто-славянские контакты стали одним из важнейших факторов этногенеза белорусов» [23, с. 207].

Анализ современной белорусской историографии этнической истории восточных славян догосударственного периода в целом убеждает, что среди независимых белорусских авторов господствующей является именно «субстратная теория», хотя и с разными ее модификациями. Истоки этой концепции берут начало еще в советские времена в трудах археолога В. Седова [24], который выдвинул гипотезу об ощутимом влиянии «балтского субстрата» на этногенез белорусов (так называемый славяно-балтский симбиоз). Конечно, это противоречило общепринятой советской заидеологизированной трактовке этногенеза восточных славян (из «единой народности»), поэтому дальнейшее развитие теория приобрела только после распада Советского Союза. В границах названного направления речь идет также о фино-угорском субстрате в этногенезе россиян и скифо-сарматском — в украинском. Сегодня концепция балтского субстрата в этногенезе белорусов, хотя и получила широкое признание в научном содружестве страны, но пока что так и не приобрела завершенного концептуального основательного оформления в виде четко структурированной научной теории.

Наиболее последовательным сторонником «субстратной теории» в современной белорусской историографии, на наш взгляд, является археолог Г. Штыхов, согласно изысканиям которого картографирование соответствующих древностей свидетельствует, что географический ареал древнебалтских поселений в Восточной Европе предшествовал старобелорусскому населению, а это сразу «определило участие балтского субстрата (подосновы) в дальнейшем формировании местных популяций, топонимики, антропологических черт» [13, с. 323]. Начиная с конца VII в. происходило широкое проникновение славян в области, где находились балты, что обусловило славянизацию днепровского балтоязычного населения. Причем, согласно мнению Г. Штыхова, это вскоре уже прослеживается по внешнему виду кривичей-полочан, дреговичей и радимичей [13, с. 325]. С другой стороны, в ходе этого процесса ассимилировались не только балты, но и последние кое-где ассимилировали славян. Хотя именно «славянизация» оказалась мощнее, а поэтому славяне (хотя и этнически «дополненные» балтами) становятся основным населением белорусских земель. Поскольку, как замечает археолог, белорусский этнос формировался в результате постепенной ассимиляции славянскими племенами балтского населения, постольку при этом должно было происходить взаимопроникновение славянских и балтских языков, культур и ментальностей [25, с. 36].

Расположенность к этой концепции демонстрируют и другие современные белорусские ученые. Например, В. Орлов и Г. Саганович, подчеркивая, что пространства, занятые кривичами, дреговичами и радимичами, очертили зону будущей этнической территории Беларуси, со своей стороны отмечают: «Спецификой же, которая выделяла ее среди других восточнославянских территорий, стало выразительное балтское этническое влияние» [26, с. 7]. Именно эта концепция легла и в основу синтетической версии истории Беларуси за авторством Г. Сагановича. Как утверждает историк, именно локальные варианты (балтской по этнической принадлежности) банцеровской археологической культуры «стали той основой, на которой с приходом славян начали формироваться новые этнические общности. Таким образом, — подытоживает автор, — балтоязычные племенные группировки оказались субстратом (подосновой) белорусского этногенеза» [27, с. 16—17].

Балтский субстрат в смысле стержневого фактора белорусского этногенеза видит и Г. Семенчук. Он считает, что с ростом в IX—X вв. постоянных укрепленных поселений с административными функциями (Полоцк, Витебск, Минск, Туров) славянизация местного люда в большинстве белорусских регионов существенно усилилась. Вследствие этого сформировались новые этнические общности, известные в источниках как дреговичи, радимичи и кривичи. В их культуре и языке смешались славянские и балтские элементы. Это были «уже этнические группы нового качества, в которых преобладали славянские черты» [5, с. 18].

Исходя из положений «субстратной теории», свою «этническую» периодизацию истории Беларуси (о чем уже шла речь выше) выстраивает и А. Кравцевич. По мнению последнего, именно VI в. — это первый рубеж в этнической истории белорусов, связанный с появлением на белорусских землях славян и началом процесса балто-славянских контактов. Характерной особенностью последних, как замечает исследователь, была их хронологическая неравномерность. Если в Поднепровье и Подвинье этот процесс в основном завершился в XII—XIII вв., то в Понеманье он тянулся вплоть до середины XX в., но «везде результат был одинаковым — распространение этнической белорусской территории». Именно поэтому, как убеждает ученый, «процесс балто-славянских контактов можно однозначно оценить как самое значительное (“буйнейшае”) явление в истории страны» [2, с. 176].

Не так давно А. Кравцевич, совместно с А. Смоленчуком и С. Токтем, предложили «пограничный» вариант «субстратной теории», согласно которому этнос, создавший Беларусь — «страну многопланового пограничья», сам «сформировался на этническом пограничье и, по существу, является продуктом межэтнического контакта восточных балтов с восточными славянами» [23, с. 5]. Причем возникновение белорусского этноса, по мнению этих исследователей, связано с наибольшим явлением европейской истории — Великим переселением народов, по завершении которого (рубеж X—XI вв.) «можно уже оценивать последствия расселения славян», в частности на территории Беларуси. Ведь «здесь как результат балто-славянского взаимодействия сформировались новые этнические образования — субэтносы, которые в последующие века слились в белорусский народ» [23, с. 7, 14, 16—17]. Кроме упомянутых апологетами «субстратного подхода» в современной белорусской историографии являются также И. Марзалюк [28; 29], С. Морозова [30, 36], А. Медведев [31, с. 10—15], Л. Дучиц [32, с. 15—30] и другие исследователи.

Правда, далеко не все белорусские историки разделяют взгляд относительно правомерности теории «балтского субстрата» в этногенезе белорусов. Хотя основное острие критики относительно этой концепции направлено, по существу, лишь на определение меры и степени влияния балтских субстратных элементов культуры и языка на этнические особенности белорусов. Часть оппонентов убеждают, что это влияние было незначительным, другие отмечают стадиальную непоследовательность теории В. Седова. Как замечает И. Чаквин, постулируется, например, что древние культурно-языковые особенности, появившиеся у восточнославянского населения Беларуси в процессе ассимиляции балтов, создавались сначала в союзе племен кривичей, дреговичей и радимичей, потом в западной группе древнерусской народности, а не перешли непосредственно от балтов к белорусам [4, с. 7].

На наш взгляд, во многом успех в исследовании этнической истории восточных славян, в том числе белорусов, зависит, прежде всего, от объективной реконструкции общеславянского этногенеза. К сожалению, в современной белорусской историографии этой проблематикой на должном научном уровне пока что никто не занимается, а это, безусловно, препятствует и изучению этногенеза собственно белорусов. В частности, важным и актуальным вопросом остается «поиск» прародины славян. Отмечая, что даже ведущие исследователи этой проблемы «элементарно запутались», белорусский историк С. Рассадин в своей статье, посвященной историографии относительно прародины славян, прослеживает и другие «сюрпризы», которые подносит «сердце славянщины» ученым [33, с. 101—105]. Нерешенность

этой проблемы значительно суживает эвристические возможности историков, которые вынуждены излагать свои рассуждения вследствие этого преимущественно в гипотетическом ключе. Например, С. Морозова, исследуя этногенез белорусов, утверждает: «Славяне выделились из индоевропейской общности *одновременно* (тут и далее курсив наш. — *К. И.*) или *немного позже* балтов. Удовлетворительного *ответа* на вопрос относительно славянской прародины *нет*. На Беларусь они пришли *скорее всего* из Западной и Центральной Европы, из междуречья Вислы и Эльбы» [19, с. 305]. То есть, как видим, сплошное предположение, которое не подтверждено никакими объективными фактами.

В итоге даже противники концепции славянской миграции на земли современной Беларуси вынуждены признавать ключевым именно вопрос общеславянского этногенеза. Такую позицию, в частности, демонстрируют А. Дзермант и С. Санько: «Настоящей проблемой является не балтская основа белорусского народа, но этногенез славян и адекватное обоснование процесса славянизации автохтонного населения. Решение этой проблемы также невозможно ограничивать только рамками географической локализации праславянского этноса на просторах или между Вислой и Одером, или между Днепром и Бугом хотя бы потому, что обязательно надо иметь в виду принятую большинством лингвистов теорию о развитии славянских языков из периферийных балтских диалектов» [21, с. 198; 34, с. 164—182].

Известно, однако, что уже в начале своего существования теория так называемого «балто-славянского праязыка» испытывала обоснованную критику со стороны таких известных лингвистов, как И. Бодуэн дэ Куртэнэ, А. Мейе, Я. Эндзелин. В наше время немало авторитетных специалистов считают ее искусственным построением и ведут речь преимущественно о длительных контактах балтских и славянских языков, о параллелизме их развития, который полностью объясняет природу тех общих явлений, которыми эти языки характеризуются. Хотя, как убеждает Э. Загорульский, именно объединение усилий археологов и лингвистов позволит решить проблему датирования начала славянского этногенеза [16, с. 159]. При этом наиболее достоверной причиной возникновения славян, балтов и германцев он считает мощную этническую миксацию, которая в свою очередь стала основной причиной расстройства индоевропейских диалектов и образования отдельных языковых групп или отдельных конкретных индоевропейских языков [16, с. 157]. В конце концов Э. Загорульский приходит к заключению, что балты, славяне и германцы выделились одновременно из среды северных индоевропейцев после прихода последних в европейскую область севернее Карпат. Случилось это приблизительно в середине III тыс. до н. э. [16, с. 162, 166].

Невзирая на появление альтернативных вариантов в исследовании этногенеза восточных славян, в конечном итоге, как нетрудно убедиться, большинство концепций в современной белорусской историографии относительно этногенеза, в частности белорусов, отмечают моноэтничное происхождение последних, т. е. именно из славянского этнического конгломерата. Отрицание же этнических контактов между разными этносами и, как результат этого, взаимовлияния между ними является ошибочным. Яркий пример чего — история белорусского этноса. Поэтому белорусские историки выделяют несколько этапов его этногенезиса, хотя в этом прослеживаются и определенные попытки «удревнить» существование белорусской этнической общности, что, впрочем, характерно и закономерно для любой национальной историографии, находящейся на стадии концептуального оформления.

Примером этого является один из вариантов «Истории Беларуси», опубликованный в 2000 г. в виде курса лекций. Авторы выделяют четыре «большие этнические эпохи» в этногенезе белорусов. Первая начинается с доиндоевропейского населения. Вторая связана собственно с индоевропейцами и «определяется как балтская». Третий этап — славянское заселение Беларуси (от III в. до н. э.). Последний — с конца XIV в. и до наших дней [35, с. 8]. В этом же труде С. Морозова более конкретно утверждает, что «этническая история населения на территории современной Беларуси берет свое начало с эпохи палеолита — более 40 тыс.

лет назад». Хотя «язык этих *прабелорусов* (курсив С. Морозовой. — *К. И.*) неизвестен», скорее всего, «они имели светлую кожу, русые волосы, голубые глаза, были высокими и крепкими — черты, свойственные большинству сегодняшних белорусов» [19, с. 302].

Подобные утверждения об истоках белорусского этноса из палеолита свойственны сегодня и другим трудам по истории страны. Так, в шеститомной «Истории Беларуси», которая появилась в 2007 г., по этому поводу отмечается: «Мы придерживаемся той мысли, что никакие переселения не могли полностью изменить населения территории. Это дает основание считать предками белорусов племена, которые проживали здесь в доиндоевропейский период», — писал белорусский историк Николай Ермолович [11, с. 323]. И с этим трудно спорить. Для усиления этого высказывания приведено и мнение антропологов, вывод которых «позволяет нам со значительной уверенностью считать современных белорусов прямыми потомками местного древнего населения». Причем «фактическое формирование антропологического типа скорее всего происходило в течение 100—150 поколений, что продлевает наше (т. е. белорусское. — *К. И.*) происхождение от палеоевропеоидов времен первого населения неолита». Отсюда и закономерное резюме: «Таким образом, фактически в весьма древние времена складывались предпосылки формирования белорусов» [11, с. 324]. Бесспорно, следуя такой логике, эти «предпосылки» не трудно будет отыскать и в процессе эволюции архантропов, которых все же проблематично признать прабелорусами. В целом же подобные попытки «удревнить» этнические истоки определенного этноса являются, в конце концов, хотя и привлекательным, но не совсем корректным преувеличением.

Преградой на этом «научном» пути к «антропологической стабильности» населения Беларуси стоят и исследования археологов, прослеживающие достаточно частые изменения населения на ее территории. Так, к середине III тыс. до н. э. здесь доминировали фино-угры, а «в эпоху раннего металла (конец III тыс. до н. э. — V в. н. э.) этнический состав населения Беларуси в значительной степени изменился — на ней расселились индоевропейцы» [35, с. 303]. Из последних, как известно, впоследствии выделились и славяне, и балты, в результате симбиоза которых, согласно выводам адептов «субстратной теории» (о чем речь уже шла выше), и начался белорусский этногенез. Причем большинство современных белорусских историков убеждено, что славяне появились на территории Беларуси в результате Великого переселения народов на протяжении V—VI вв. Откуда они мигрировали, пока точно неизвестно, ведь, как мы уже убедились выше, проблема славянской прародины не решена и поныне. С VIII в., согласно данным современных белорусских археологов, «нарастают процессы славянизации местного балтского населения, что создает условия для начала нового этноса» [7, с. 434]. На протяжении IX—XIII вв. завершается ассимиляция остатков балтского населения и формирование этнического состава тогдашней Беларуси. При этом некоторые исследователи убеждают, что именно процесс балто-славянских контактов имел «наиболее сильное влияние на формирование белорусской ментальности» [23, с. 28].

Этнические отличия, появившиеся на разных этапах этнической истории общностей восточных славян, позволяют, в частности с точки зрения Г. Штыхова, вести речь о том, что у белорусской, украинской и русской народностей был «свой путь становления этноса». Относительно собственно территории Беларуси ученый убежден, что восточнославянское население стало здесь основным лишь с X в. [25, с. 34, 35]. То есть со времени появления первого государства восточных славян — Киевской Руси. Ее этническое развитие также неоднозначно трактуется современными белорусскими историками, но это уже отдельная тема.

Подытоживая анализ основных тенденций в современной белорусской историографии этнической истории восточных славян догосударственного периода, в первую очередь стоит отметить концептуальную неоформленность большинства предлагаемых подходов, а также их методологическую слабость и устаревшую теоретическую основу. Не менее проблематичной, на наш взгляд, является и определенная «зацикленность» нынешних белорусских ис-

следователей сугубо на этногенезе белорусов, в результате чего из их поля зрения выпадают другие восточнославянские общности и общеславянский этногенез, который, собственно, представляет начальную стадию первых. В свою очередь это же, очевидно, предопределяет и почти полную неосведомленность с наработками сегодняшних российских и украинских их коллег, о чем свидетельствует и отсутствие соответствующих историографических исследований, и соответствующих ссылок в трудах современных белорусских ученых. С другой стороны, несправедливым будет не отметить и позитивные черты современной белорусской историографии обозначенной проблематики. Примечательно, что исследователи демонстрируют стремление к расширению научных практик, к поиску новых подходов в интерпретации этих действительно непростых этноисторических вопросов. Современные белорусские специалисты демонстрируют ясное осознание многих проблем в этой сфере, а следовательно, стремятся к более глубокой интерпретации тех или иных вопросов, связанных с этнической историей восточного славянства, что вселяет определенный оптимизм и надежду на качественную трансформацию исторической науки в современной Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шутова О. М.* Вопрос об идентичности и Другом в (пост)современной историографии // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал. : У. Н. Сідарцоў [і інш.]. Мінск : БДУ, 2007. С. 81—88.
2. *Краўцэвіч А.* Асноўныя храналагічныя рубяжы этнічнай гісторыі Беларусі // Гістарычны альманах: навуковы гістарычны і краязнаўчы часопіс. Т. 7. Гародня, 2002. С. 175—180.
3. *Віцязь С.* Поліэтнічная (індаеўрапейская) канцэпцыя этнагенезу беларусаў і яго перыядызацыя // Беларусіка — Albaruthenica. Кн. 21: Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства: матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» (Мінск, 21—25 мая, 4—7 снеж. 2000 г.) / рэдкал.: В. Скалабан (гал. рэд.). Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. С. 28—33.
4. *Чаквін І.* Походження білорусів. Сучасна історіографія проблеми // Народна творчість та етнографія. № 6. К., 2009. С. 6—13.
5. *Семянчук Г.* Ці існавала старажытнаруская народнасць, альбо Пра «калыску» беларускага народу // Спадчына. № 6. 2003. С. 9—21.
6. *Дзермант А., Санько С.* Этнагенез беларусаў: навука і ідэалогія // ARCHE. № 5. 2005. С. 233—253.
7. Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2: Жалезны век і ранняе Сярэднявечча / А. А. Егарэйчанка, В. І. Шадыра, В. С. Вяргей [і інш.]; пад рэд. В. . Шадыры, В. С. Вяргей. Мінск : Бел. навука, 1999. 502 с.
8. *Щукин М. Б.* Рождение славян // Стратум: стуктуры и катастрофы: Сборник символической индоевропейской истории: Археология. Источниковедение. Лингвистика. Философия истории. СПб. : Нестор, 1997. С. 110—147.
9. *Егарэйчанка А.* Зарубінецкая культура // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 2 : Жалезны век і ранняе Сярэднявечча / А. А. Егарэйчанка, В. І. Шадыра, В. С. Вяргей [і інш.]; пад рэд. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей. Мінск : Бел. навука, 1999. С. 232—289.
10. *Мядзведзеў А. М.* Насельніцтва Беларусі ў жалезным веку (VIII ст. да н. э. — VIII ст. н. э.) // Беларускі гістарычны агляд. Т. 1. Сш. 1. 1994. С. 15—37.
11. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1: Старажытная Беларусь : Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Экаперспектыва, 2007. 351 с.
12. *Мікуліч А.* Этнічная гісторыя беларусаў паводле антрапалагічных дадзеных // Беларускі гістарычны часопіс. № 2. 1999. С. 7—11.
13. *Штыхаў Г.* Вытокі беларускага этнасу // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1 : Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Экаперспектыва, 2007. С. 323—330.
14. *Емельянчык В.* Роля міграцый у фарміраванні антрапалагічнага складу беларусаў (да гісторыі праблемы) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 11. Мінск, 1997. С. 5—8.

15. *Микулич А. И.* Геногеография и этническая история народонаселения Беларуси по данным антропологии // Балто-славянские исследования 1997: сб. науч. трудов / ред. кол. : В. Иванов (отв. ред.) [и др.]. М. : Индрик, 1998. С. 584—592; *Мікуліч А.* Антрапагенетычныя сувязі беларусаў з памежнымі этнасамі // Беларусіка — Albaruthenica. Кн. 22: Нацыянальныя пытанні: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» (Мінск, 21—25 мая, 4—7 снеж. 2000 г.) / рэдкал.: Э. Дубянецкі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. С. 18—22.

16. *Загорульский Э. М.* Проблема датирования начала славянского этногенеза // Працы гістарычнага факультэта: навук. зб. Вып. 1 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.). Мінск : БДУ, 2006. С. 153—168.

17. *Філіповіч Я.* Маё бачанне этнагенезу беларусаў // Беларусіка — Albaruthenica. Кн. 22: Нацыянальныя пытанні: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» (Мінск, 21—25 мая, 4—7 снеж. 2000 г.) / рэдкал.: Э. Дубянецкі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. С. 22—29.

18. *Пьянов В. И.* Древность славян. Минск : МФЦП, 2005. 528 с.

19. *Марозава С.* Этнагенез беларусаў, ці Этнічныя працэсы на беларускіх землях у XIII—XVI ст. / / Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 1: Са старажытных часоў да канца XVIII ст.: Курс лекцый / І. П. Крэнь, І. І. Коўкель, С. В. Марозава і інш. Мінск : РІВШ БДУ, 2000. С. 302—330.

20. *Пацюпа Ю.* Куды вядзе лёгіка балцкага аўтахтанізму? // ARCHE. № 1—2. 2006. С. 163—168.

21. *Дзермант А., Санько С.* Этнагенез беларусаў II : Яшчэ раз пра навуку і ідэалогію, або Куды вядзе «логіка здаровага розуму» // ARCHE. № 3. 2006. С. 185—203.

22. *Деружинский В. В.* Тайны беларуской истории. Минск : ФУАинформ, 2009. 560 с.

23. *Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С.* Белорусы: нация Пограничья. Вильнюс : Европейский гуманитарный университет, 2011. 212 с.

24. *Седов В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М. : Наука, 1970. 200 с.

25. *Штыхов Г. В.* У истоков белорусской народности // Український історичний журнал. № 3. Київ, 2001. С. 34—36.

26. *Арлоў У., Сагановіч Г.* Дзесяць вякоў беларускай гісторыі (862—1918): Падзеі. Даты. Ілюстрацыі. Вільня : Наша Будучыня, 2002. 223 с.

27. *Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя. Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. 412 с.

28. *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыя-культурныя стэрэатыпы (X—XVII ст.). Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2003. 322 с.

29. *Марзалюк І. А.* Да пытання аб этнічнай і палітычнай свядомасці ўсходнеславянскага насельніцтва ў X—XIII стст. // Гістарычны альманах : навуковы гістарычны і краязнаўчы часопіс. Т. 1. Гародня, 1998. С. 4—14.

30. *Марозава С.* Вёска і яе гаспадарка ў IX—XIII ст. // Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 1: Са старажытных часоў да канца XVIII ст.: Курс лекцый / І. П. Крэнь, І. І. Коўкель, С. В. Марозава і інш. Мінск : РІВШ БДУ, 2000. С. 36—45.

31. *Мядзведзеў А.* Да пытання аб паходжанні беларусаў (па дадзеных археалогіі і мовазнаўства) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 13. Мінск, 1998. С. 10—15.

32. *Дучыц Л.* Балты і славяне на тэрыторыі Беларусі ў пачатку другога тыс. н. э. // Беларускі гістарычны агляд. Т. 2. Сш. 1 (2). 1995. С. 15—30.

33. *Рассадин С. Е.* Samo serce siowianszczyzny, или Сюрпризы так называемой славянской прародины // Працы гістарычнага факультэта: навук. зб. Вып. 1 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) і інш. Мінск : БДУ, 2006. С. 101—105.

34. *Мартынаў В.* Этнагенез славян: мова і міф // Спадчына. № 4. 1996. С. 164—182.

35. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 1: Са старажытных часоў да канца XVIII ст. : курс лекцый / І. П. Крэнь, І. І. Коўкель, С. В. Марозава і інш. Мінск : РІВШ БДУ, 2000. 656 с.

36. Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 3 : Сярэдневяковы перыяд (IX—XIII ст.) / пад рэд. П. Ф. Лысенка. Мінск : Беларуская навука, 2000. 554 с.

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2012 г.